Автор: admin
26.10.2010 23:20 -

Интровертная Интуиция

Интуиция в интровертной установке направляется на внутренние объекты, как можно было бы с полным правом обозначить элементы бессознательного. Дело в том, что внутренние объекты относятся к сознанию совершенно аналогично внешним объектам, хотя они имеют не физическую, а психологическую реальность. Внутренние объекты представляются интуитивному восприятию в виде субъективных образов вещей, не встречающихся во внешнем опыте, а составляющих содержания бессознательного - в конечном итоге коллективного бессознательного. Эти содержания сами по себе, конечно, не доступны никакому опыту - свойство общее у них с внешним объектом. Подобно тому как внешние объекты лишь совершенно относительно таковы, какими мы их перципируем, так и формы явлений внутренних объектов релятивны и суть продукты их, недоступной нам сущности и своеобразности интуитивной функции.

Как ощущение, так и интуиция имеют свой субъективный фактор, который в экстравертной интуиции по возможности подавляется, а в интровертной становится определяющей величиной. Хотя интровертная интуиция и получает, может быть, свой пробуждающий толчок от внешних объектов, однако она не задерживается на внешних возможностях, а останавливается на том, что было вызвано внешним внутри субъекта. Тогда как интровертное ощущение ограничивается главным образом тем, что воспринимает посредством бессознательного своеобразные явления иннервации и задерживается на них, интуиция подавляет эту сторону субъективного фактора и воспринимает образ, вызванный этой иннервацией. Например: кто-нибудь испытывает припадок психогенного головокружения. Ощущение останавливается на своеобразном свойстве этого расстройства иннервации и воспринимает во всех подробностях все его качества, его интенсивность, его течение во времени, способ его возникновения и его исчезновения, нисколько не возвышаясь над этим и не проникая до его содержания, от которого расстройство возникло. Интуиция же, напротив, берет из этого ощущения лишь толчок, побуждающий к немедленному действию; она старается заглянуть дальше, *за* ощущение, и действительно вскоре воспринимает внутренний образ, вызвавший данное симптоматическое явление, а именно головокружение. Она видит образ шатающегося человека, пораженного стрелою в сердце. Этот образ поражает деятельность интуиции, она останавливается на нем и старается выведать все его единичные черты. Она удерживает этот образ и с живейшим сочувствием констатирует, как этот образ изменяется, развивается далее и наконец исчезает.

Таким образом, интровертная интуиция воспринимает все, что происходит на дальних планах сознания, приблизительно с такою же ясностью, с какой экстравертное ощущение воспринимает внешние объекты. Поэтому для интуиции бессознательные образы получают достоинство вещей или объектов. Но так как интуиция исключает сотрудничество ощущения, то она или вовсе ничего не узнает, или узнает лишь

недостаточно о расстройствах иннервации, о влияниях бессознательных образов на тело. От этого образы являются как бы отрешенными от субъекта и существующими сами по себе, без отношения к личности. Вследствие этого в вышеприведенном примере интровертный интуитивный, имевший припадок головокружения, и не подумал бы даже, что воспринятый им образ мог бы как-нибудь относиться к нему самому. Это покажется, конечно, почти немыслимым для человека, установленного на суждение; а между тем это факт, который я часто наблюдал у этого типа.

Странное безразличие, которое обнаруживает экстравертный интуитив по отношению к внешним объектам, свойственно и интровертному по отношению к внутренним объектам. Подобно тому как экстравертный интуитив постоянно чует новые возможности и идет по их следу, не заботясь ни о своем, ни о чужом благополучии и несчастье, небрежно шагая через человеческие отношения и преграды, и, в вечной жажде перемен, разрушает только что воздвигнутое, так интровертный переходит от образа к образу, гоняясь за всеми возможностями, заключенными в творческом лоне бессознательного, и не устанавливая связи между явлением и собою. Как для того, кто лишь ощущает мир, он никогда не становится моральной проблемой, так и для интуитивного мир образов тоже никогда не становится моральной проблемой. Мир как для одного, так и для другого есть *эстетическая* проблема, вопрос восприятия, "сенсация". Таким образом, у интровертного исчезает сознание своего телесного существования, так же как и его воздействие на других. С экстравертной точки зрения о нем сказали бы: "Действительность не существует для него, он предается бесплодным грезам". Правда, созерцание образов бессознательного, создаваемых творческой силой в неиссякаемом изобилии, бесплодно в смысле непосредственной пользы. Но поскольку эти образы суть возможности концепций, могущих при известных условиях сообщить энергии новый потенциал, постольку и эта функция, наиболее чуждая внешнему миру, неизбежна в общем психическом домоводстве, так же как и психическая жизнь народа отнюдь не должна быть лишена соответствующего типа. Израиль не имел бы своих пророков, если бы этого типа не существовало.

Интровертная интуиция захватывает те образы, которые возникают из основ бессознательного духа, существующих априори, то есть в силу наследственности. Эти архетипы, сокровенная сущность которых опыту недоступна, представляют собой осадок психического функционирования у целого ряда предков, то есть это суть опыты органического бытия вообще, накопленные миллионократными повторениями и сгущенные в типы. Поэтому в этих архетипах представлены все опыты, которые издревле встречались на нашей планете. И чем чаще, и чем интенсивнее они бывали, тем явственнее они выступают в архетипе. Архетип, говоря вместе с Кантом, есть как бы ноумен того образа, который интуиция воспринимает и, воспринимая, создает.

Так как бессознательное не есть нечто неподвижное вроде психического caput mortuum ("мертвая голова"), а, напротив, нечто принимающее участие в жизни и испытывающее внутренние превращения - превращения, которые стоят во внутреннем отношении к общему свершению вообще, - то интровертная интуиция через восприятие внутренних процессов дает известные данные, которые могут иметь выдающееся значение для понимания общего свершения; она может даже с большей или меньшей отчетливостью предвидеть новые возможности, а также и то, что впоследствии действительно наступает. Ее пророческое предвидение можно объяснить из ее отношения к архетипам, представляющим собою закономерное течение всех вещей, доступных опыту.

Интровертный интуитивный тип

Когда интровертная интуиция достигает примата, то ее своеобразные черты тоже создают своеобразный тип человека, а именно мистика-мечтателя и провидца, с одной стороны, фантазера и художника - с другой. Последний случай можно было бы считать нормальным, ибо этот тип имеет в общем склонность ограничивать себя восприемлющим характером интуиции. Интуитивный остается обыкновенно при восприятии, его высшая проблема - восприятие и, поскольку он продуктивный художник, оформление восприятия. Фантазер же довольствуется созерцанием, которому он предоставляет оформлять себя, то есть детерминировать себя. Естественно, что углубление интуиции вызывает часто чрезвычайное удаление индивида от осязаемой действительности, так что он становится совершенной загадкой даже для своей ближайшей среды. Если он художник, то его искусство возвещает необыкновенные вещи, вещи не от мира сего, которые переливаются всеми цветами и являются одновременно значительными и банальными, прекрасными и аляповатыми, возвышенными и причудливыми. Но если он не художник, то он часто оказывается непризнанным гением, празднозагубленной величиной, чем-то вроде мудрого полуглупца, фигурой для "психологических" романов.

Хотя превращение восприятия в моральную проблему лежит не совсем на пути интровертного типа, ибо для этого необходимо некоторое усиление судящих функций, однако достаточно уже относительно небольшой дифференциации в суждении, чтобы переместить созерцание из чисто эстетической в моральную плоскость. От этого возникает особая разновидность этого типа, которая хотя существенно отличается от его эстетической формы, однако все же характерна для интровертного интуитивного типа. Моральная проблема возникает тогда, когда интуитив вступает в отношение к своему видению, когда он не довольствуется больше одним только созерцанием, своей эстетической оценкой и формированием, а доходит до вопроса: какое это имеет значение для меня или для мира? Что из этого вытекает для меня или для мира в

смысле обязанности или задания? Чисто интуитивный тип, который вытесняет суждение или обладает им лишь в плену у восприятия, в сущности никогда не доходит до такого вопроса, ибо его вопрос сводится лишь к тому, каково восприятие. Поэтому он находит моральную проблему непонятной или даже нелепой и по возможности гонит от себя размышление о виденном. Иначе поступает морально установленный интуитив. Его занимает значение его видений, он заботится не столько об их дальнейших эстетических возможностях, сколько об их возможных моральных воздействиях, вытекающих для него из их содержательного значения. Его суждение дает ему возможность познать - правда, иногда лишь смутно, - что он, как человек, как целое, каким-то образом вовлечен в свое видение, что оно есть нечто такое, что может не только созерцаться, но что хотело бы стать жизнью субъекта. Он чувствует, что это познание возлагает на него обязанность претворить свое видение в свою собственную жизнь. Но так как он преимущественно и главным образом опирается только на видение, то его моральная попытка выходит односторонней: он делает себя и свою жизнь символической, хотя и приспособленной к наличной фактической действительности. Тем самым он лишает себя способности воздействовать на нее, ибо он остается непонятным. Его язык не тот, на котором все говорят; он слишком субъективен. Его аргументам недостает убеждающей рациональности. Он может лишь исповедовать или возвещать. Он - глас проповедника в пустыне.

Интровертный интуитив больше всего вытесняет ощущения объекта. Это является отличительной чертой его бессознательного. В бессознательном имеется компенсирующая экстравертная функция ощущения, отличающаяся архаическим характером. Бессознательную личность можно было бы поэтому лучше всего описать как экстравертный ощущающий тип низшего примитивного рода. Сила влечения и безмерность являются свойствами этого ощущения, так же как чрезвычайная привязанность к чувственному впечатлению. Это качество компенсирует разреженный горный воздух сознательной установки и придает ей некоторую тяжесть, так что это мешает полному "сублимированию". Но если вследствие форсированного преувеличения сознательной установки наступает полное подчинение внутреннему восприятию, тогда бессознательное вступает в оппозицию и тогда возникают навязчивые ощущения с чрезмерной привязанностью к объекту, которые сопротивляются сознательной установке. Формой невроза является в таком случае невроз навязчивости, симптомами которого бывают частью ипохондрические явления, частью сверхчувствительность органов чувств, частью навязчивые привязанности к определенным лицам или к другим объектам.

Перевод © София Лорие (под ред. В. Зеленского)

К.Г.Юнг «Психологические типы», Спб.: Азбука, 2001